

В ПОИСКАХ БИБЛИО ОТ «ЧИСТКИ САРАЕВ»

Вадим Константинович СТЕПАНОВ

профессор кафедры электронных библиотек, информационных технологий и систем Московского государственного университета культуры и искусств

Хроника одной дискуссии...

Последние годы характеризуются революционными изменениями в отношении производства, распространения и потребления информационной продукции, основной причиной которых является появление и широкое распространение при помощи Интернета цифровых форм представления контента.

Под угрозой оказываются как миссия библиотек, которая заключается в накоплении и длительном

О НОРБЕРТЕ ВИНЕРЕ, ПОЗИТИВИЗМЕ И УЧЕБНЫХ ПЛАНАХ

А.В. Соколов

Я против навешивания ярлыков, однако хотелось бы называть вещи своими именами. Поэтому не могу пройти мимо типичного образца стихийного позитивизма, который продемонстрировал Вадим Константинович в предыдущем диалоге. Вот этот образец: *«Стабильных законов в нашей, прикладной по своей сути, библиотечной деятельности не столь много. Все их, при желании, можно уместить в один учебный семестр. Польза и задача фундаментальных знаний очевидна: они должны сформировать верное концептуальное представление о законах, определяющих принципы отрасли и ключевые направления её развития. Однако законы и методологические подходы работают лишь на уровне самой общей стратегии и никогда на уровне тактики и, тем более, конкретной методики. Никакие законы Ранганатана или Брегфорда, концепции библиотеки Ю.Н. Столярова или ценностно-гуманистические построения А.В. Соколова не ответят на вопрос «как?». Как создать современную эффективную систему информационного обслуживания, как добиться привлечения читателей, как оптимально использовать цифровые ресурсы, и т.д. На все эти вопросы даёт ответ методика, построенная на базе цифровых приложений, для которых постоянная смена поколений — обычная рутина. Специалист, вооружённый замечательным в своей гениальности винеровским трюизмом «информация — это информация, а не материя и не энергия», но не умеющий*

грамотно сконфигурировать систему текущего оповещения обо всех появляющихся в Сети или в конкретной базе данных материалах по определённой теме, не является профессионалом в информационной отрасли».

Напомню, что позитивизм — это такая методология познания, которая отрицает «философскую метафизику» и объявляет, что подлинное (позитивное) знание может быть получено только из опыта, только путём описания и систематизации фактов. Вадим Константинович совершенно в позитивистском духе отрицает ценность «общественно-стратегических законов и методологических подходов» и утверждает приоритет «тактики и конкретной методики». Ему кажется, что библиотечно-библиографическая наука перегружена умозрительной метафизикой, которую можно вместить в один семестр, а остальные семь семестров посвятить изучению технологии, построенной на базе цифровых приложений Интернета. В результате он надеется вырастить таких специалистов, которые будут знать, «как создать современную эффективную систему информационного обслуживания, как добиться привлечения читателей, как оптимально использовать цифровые ресурсы, и т.д.», т.е. лидеров, способных вывести библиотеку из хронического кризиса.

Честно говоря, мне как-то неловко всерьёз опровергать позитивистские заблуждения многоуважаемого оппонента. Для того, чтобы «создать современную эффективную систему информационного обслуживания»,

ТЕЧНОГО СЧАСТЬЯ К действенному гуманизму

ОКОНЧАНИЕ.

Начало в мартовском и апрельском номерах

Часть 3

сохранении информации для будущих поколений, так, собственно, и будущее самой библиотечной профессии, представители которой теряют свой статус проводников в мире информации.

Эта публикация завершает развернувшуюся вокруг обозначенных проблем дискуссию профессоров **А.В. Соколова (СПБГУКИ)** и **В.К. Степанова (МГУКИ)**.

Аркадий Васильевич СОКОЛОВ

профессор кафедры информационно-управляющих и мультимедиа систем Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

нужно быть компетентным библиотековедом и библиографоведом, знать систему документальных и информационных, универсальных и отраслевых ресурсов, уметь определять информационные потребности социальных групп, знать организацию библиотечно-библиографического обслуживания, методологию библиотечного маркетинга и менеджмента. Короче говоря, проштудировать тот цикл профессиональных дисциплин, который предусмотрен в учебном плане подготовки бакалавров по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» и который, как я понял (может быть, недопонял?) предлагается свернуть до одного семестра¹. Позитивизм вместо теорий, занимающихся выявлением «законов, определяющих принципы отрасли и ключевые направления её развития», советует овладевать динамичными интернет-технологиями эмпирическим путём (на примерах), ибо никакой теории в этой области нет, а учебные материалы устаревают спустя два года после выхода в свет. В результате такого образования библиотечный бакалавриат будет выпускать не специалистов библиотечного профиля, а ремесленников компьютерных офисов.

Один физик-теоретик сочинил поговорку «нет ничего практичнее хорошей теории». Если Вы выражаете недоверие библиотечно-библиографическим дисциплинам за то, что они не располагают «хорошей теорией», я с Вами соглашусь. Да, у нас нет добротного «постнеклас-

сического библиотековедения», о чём я писал неоднократно². Но отсюда я делаю вывод не в пользу позитивизма, а в пользу развития фундаментальной теории библиотековедения и библиографоведения, главным предметом которой, на мой взгляд, должен стать библиотечный гуманизм. Кстати, иронично оценённый Вами трюизм отца кибернетики Норберта Винера «информация есть информация, а не материя и не энергия» на самом деле не бессмыслица, а философски корректное определение сущности информации: если информация нематериальна, то она идеальна (третьего не дано)³. Странно считать кого-то специалистом в области библиотечно-информационной деятельности, если он не уразумел сущности информации и не понял, то ли она материальное «рабочее тело», то ли идеальный феномен. Исходя из сказанного, у меня к Вам только один вопрос:

К лицу ли стратегии выживания библиотек позитивистский мундир?

1. Перечислю общепрофессиональные дисциплины стандартного учебного плана, поскольку они показывают научный уровень современного библиотечно-библиографического знания: документоведение, библиотековедение, библиотечный фонд, библиотечно-информационное обслуживание, библиографоведение, библиографическая деятельность библиотеки, справочно-поисковый аппарат, аналитико-синтетическая переработка информации, отраслевые информационные ресурсы, менеджмент библиотечно-информационной деятельности, маркетинг библиотечно-информационной деятельности, лингвистические средства библиотечных и информационных технологий.
2. Соколов А.В. Библиотечный декалог начала XXI века – вызов постнеклассическому библиотековедению // Библиотековедение. – 2008. – № 1. – С. 25–28.
3. До сих пор продолжают споры вокруг природы и сущности информации, начатые Н. Винером. В текущем году появилась книга информатиков-материалистов И.М. Гуревича и А.Д. Урсула «Информация – всеобщее свойство материи» (М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 312 с.)

В.К. Степанов

Не слежу за модой, в том числе и философской, и потому, узнав в каком экстравагантном мундире я, оказывается, щеголяю, на мгновение ощутил себя героем песни Высоцкого, который боролся за честь шахматной короны, не зная правил игры, однако «выяснилось позже — я с испугу разыграл классический дебют». Это «открытие», впрочем, не поколебало мою убежденность в том, что взгляды должны оцениваться на предмет их соответствия истине, критерием которого выступает практика, а не принадлежностью к какой-либо научной школе или группировке.

Поскольку предшествующий комментарий изобилует неточностями изложения моих взглядов, внесу ясность ради лучшего обозначения своей позиции. Прежде всего, я не отрицаю «общестратегических законов и методологических подходов», которые необходимы библиотековедению. Однако на память как-то не приходят серьёзные теоретические прорывы библиотековедческой мысли, которые бы давали однозначный посыл или ориентир для деятельности библиотек. Вспоминаются почему-то только теория мостов Рубакина — Покровского и определение сущности и функций библиографической информации О.П. Коршунова. Заполните этот досадный пробел в моём образовании, перечислив *методологические разработки*, серьёзно повлиявшие на взгляды библиотекарей, содержание и формы их работы⁴.

Ни в коей мере не отвергаю я и необходимости «цикла профессиональных дисциплин, который предусмотрен в учебном плане подготовки бакалавров», хотя его нынешний состав и содержание вызывают массу вопросов. При этом настаиваю на том, с чего началась данная дискуссия — содержание большинства специальных дисциплин библиотековедческого комплекса должно актуализироваться минимум раз в два года, а разделы, имеющие сугубо прикладной аспект, желательно обновлять каждый семестр. Чтобы понять, как должны выглядеть подобные «учебники», рекомендую ознакомиться с материалом, опубликованным уже после начала нашей дискуссии, 27 января 2013 г., в англоязычном электронном журнале «Хроника высшего образования» (chronicle.com/article/Dont-Call-Them-Textbooks/136835).

И, главное, — об определении информации Винера, который, если бы оставил после себя одно это определение, уже вошёл бы в историю. Его значение гораздо глубже, чем просто констатация «идеальности» информации. Думается, возможность определить информацию через неё саму пришла в голову Винера по причине того, что информация не подчиняется законам сохранения энергии и массы/материи или правилу, сформулированному в 1748 г. Ломоносовым, которое в околонуточном обиходе известно как «закон сохранения материи и энергии». Если, согласно Ломоносову, материя (вещество) и энергия, переходя в иные фазы или друг в друга, сохраняют изначальный объём неизменным, то информация при распространении таким

свойством не обладает — она, как правило, постоянно возрастает, т.е. не подчиняется означенному правилу.

Такая трактовка винеровского определения как нельзя лучше подходит для наглядного объяснения цифровой системы информационных коммуникаций, которая имеет иную — идеальную природу, нежели существовавшая до этого «аналоговая» информационная инфраструктура. Всю доцифровую историю человечества знания (информация, данные) распространялись на материальных носителях, эволюционировавших с течением эпох от глиняных табличек до компакт-дисков. Но в каждом случае речь шла о перемещении материальных носителей, т.е. атомов материи. Их надо было произвести из сырья, физически переместить к потребителю, хранить и, применительно к библиотекам, обеспечить их выдачу и возврат в фонд. Число изданий было всегда ограничено. Выданный источник по определению не мог быть востребован другими читателями, во многих библиотеках наблюдалась нехватка экземпляров, в то время как в других были лишние. По иному эта основанная на передаче атомов материи система документальных коммуникаций функционировать не могла: сколько убывало в одном месте, ровно столько прибывало в другом.

Функционирующая на основе глобальных компьютерных сетей система цифровых коммуникаций обладает качественно иными возможностями. Информация в цифровой форме, в точном соответствии с винеровским определением, не подчиняется правилу сохранения материи и энергии, поскольку представлена не в виде атомов вещества, а в виде потоков единиц и нулей. Перемещаясь по компьютерным сетям, эти данные могут за доли секунды достигнуть любого уголка планеты, где есть доступ к Интернету. Кардинальным образом меняется схема производства — распространения — хранения информации. Размещённый на сайте документ в цифровой форме может быть востребован неограниченным числом пользователей, при этом на сайте-доноре объём информации не уменьшается — каждый пользователь получает по самогенерирующейся цифровой копии. Тираж документа равен числу обратившихся к нему пользователей; невозможны как перепроизводство, так и недостаток экземпляров источника, его порча или кража. При всём этом отсутствуют гигантские затраты на производство сырья, транспортировку, хранение и обращение источников. Возникает *новая реальность информационной деятельности*, подтверждающая, что информация — это информация, а не материя и не энергия.

Завершая ответ на этот вопрос-комментарий, обращаю внимание на то, что в этой новой реальности в одночасье меняется всё, включая методологию, теорию и методику информационной деятельности. Подходить к её изучению, пользуясь мерками аналоговой системы коммуникаций, совершенно недопустимо.

4. «Законы» Ранганатана не предлагать. Ни один.

И ВСЁ-ТАКИ, ЧТО И КАК ДЕЛАТЬ?

А.В. Соколов

Наконец, вернёмся к учебникам для библиотечных бакалавров, подготовкой которых занята сейчас библиотечно-информационная школа. Не так давно библиотечную профессию воспевали вдохновлённые поэты. Так, Л.И. Ошанин писал в своё время: «Милые тихоголосые женщины, в книгах всеведущи, в жизни застенчивы». В наши дни жестокие интеллектуалы часто называют профессию «тихоголосых женщин» умирающей. Да, симптомы профессиональной депопуляции налицо: отток молодёжи, засилье пенсионеров, дефицит высококвалифицированных кадров... Кому адресовать учебники, посвящённые гуманистическим целям и навыкам ориентации в цифровой среде? Я адресую их умным студентам, которых у нас немало.

Судьба библиотечной профессии зависит от того, что возобладает в душе homo sapiens: поэтическая магия книги или мультимедийная мощь микроэлектроники. Это непредсказуемый фактор, порождённый балансом технократизма и гуманизма в техногенной цивилизации. Но «тихоголосые» интеллигенты-книжники способны повлиять на этот баланс в процессе профессиональной деятельности. А для этого их нужно вооружить хорошими учебниками, которые объясняли бы библиотекарю цифровой эпохи, как сочетать гуманистические цели и прикладные навыки библиотечно-информационной деятельности. Так я понимаю практическое назначение учебника «Аналитико-синтетическая переработка информации»,

В.К. Степанов

Поэты на протяжении нескольких столетий воспевали ямщиков, что отнюдь не помешало последним кануть в лету с изменением транспортной инфраструктуры. Полагаться на благоприятный исход борьбы в душе homo sapiens вряд ли разумно — на всём протяжении его эволюции верх всегда одерживала прагматика, отвечающая его, sapiens, жизненным интересам, к которым гуманизм, к прискорбию, относился крайне редко.

Что касается «тихоголосых» библиотекарей, то ещё каких-нибудь 25–30 лет назад восхищаться ими были все основания: для многих читателей эти люди были подлинными проводниками-путеводителями в мир высоких духовных ценностей. На библиотекарях закономерно лежал некий флёр возвышенности — они каждый день вращались среди подлинных откровений души и бессмертных произведений разума. Это, бесспорно, облагораживало суть библиотечной профессии и сам облик библиотекаря.

Однако технический прогресс стремительно меняет информационный, культурный, образовательный и какой угодно иной ландшафт, и в этой новой системе отношений библиотекари безвозвратно утрачивают авторитет посвящённых в некие недоступные другим выси — дефицит

соавторами которого мы с Вами являемся, многоуважаемый Вадим Константинович!

Пора заканчивать наш затянувшийся диалог. Мы загрохотали, но, конечно, не разрешили слишком много жизненно важных проблем, касающиеся настоящего и будущего российских библиотек. Несмотря на незавершённость, я считаю нашу полемику поучительной и конструктивной. Общий вывод состоит в том, что наши взгляды, по сути дела, являются не противоположными, а *взаимогополняющими*. Я сосредоточил внимание на цели библиотечно-библиографической деятельности в информационном обществе, которая мне видится в реализации гуманистической социальной миссии, а мой оппонент акцентировал *средства* в виде прикладных профессиональных навыков библиотекаря цифровой среды. Я убеждён, что информатизация (компьютеризация, интернетизация) библиотечной деятельности представляет собой не цель, а средство. Это средство может использоваться двояко: для выполнения информационной функции; для реализации гуманистической миссии. Я считаю, что существование библиотечно-библиографического социального института в техногенной цивилизации будет оправдано только в том случае, если все библиотечные ресурсы, как оцифрованные, так и неоцифрованные, будут направлены на уменьшение риска дегуманизации (расчеловечивания) общества.

Подводя итоги, с чем Вы решительно не согласны в моей позиции?

информации сменился её резким перепроизводством и, что немаловажно, «прозрачностью». «Всеведущность» библиотекарям уже не присуща — осталась только застенчивость. И ещё — растерянность, вызванная непониманием того, куда из «залов читален», которые тому же Льву Ошанину виделись «храмами», делись читатели, зачем мы при этом продолжаем комплектовать фонды читальных залов и ведём части СБА, давно уже ставшие атавизмом. И ещё добавилась нарастающая озабоченность. Но не о том, как бы получше реализовать свою гуманистическую миссию, а о том, как не допустить падения отчётных показателей, которые, вопреки всему, почему-то должны постоянно расти. Именно такая картина, увы, стала нормой для множества библиотек страны, и по мере дальнейшего проникновения Интернета, она будет только усугубляться.

Но, где конец — там и начало. И первое, что необходимо, — это понять, что судьба библиотек и библиотечной профессии зависит не от исхода борьбы в душах homo sapiens, а от того, сумеют ли сами библиотеки предложить услуги, востребованные динамично меняющимся обществом. Поэтому главный вопрос для каждой библиотеки сегодня: что и как предложить обслуживаемой аудитории. В предыдущих комментариях я уже высказывался отно-

сительно того, чем должны заниматься библиотеки сегодня и завтра. Обобщая позицию, выделю направления работы, в которых, по моему глубокому убеждению, и выражается подлинный библиотечный гуманизм. Это, суть:

- грамотный отбор в фонд источников, которые достойны прочтения, просмотра или прослушивания читателями конкретной библиотеки;
- помощь читателям в решении проблем, связанных с поиском и оценкой необходимой для них информации и, возможно, помощь в размещении в Сети результатов собственных исследований (последняя задача притягательна исключительно академическим библиотекам);
- распространение информационной культуры, неотъемлемым элементом которой является умение распознавать и противостоять манипулированию сознанием индивидуума или общественной группы;
- создание творческой атмосферы, стимулирующей познавательную активность посетителей библиотеки.

Ответом на Ваш заключительный вопрос — с чем я решительно не согласен в Вашей позиции, — я сознательно заострю проблему — не согласен с гуманизмом в Вашем исполнении. Мне он видится предельно аморфным, пассивным и крайне непродуктивным. При своей, казалось бы, изначальной неопровержимости (кто возразит, что человечеству надлежит стать добрее и умнее, а библиотеки должны всемерно этому способствовать), гуманистический подход совершенно не раскрывает истинного понимания причин нынешнего снижения роли библиотек и не вооружает сообщество знанием того, как это снижение преодолеть. Хуже того, вычленив мысль о том, что стихийный гуманизм библиотекарей проистекает от их близости к книгам, многие труженики библиотечной нивы отождествляют закат печатного книгоиздания как тотальное наступление на некие гуманистические идеалы. Цифровая система коммуникаций видится ими не как очередной закономерный этап эволюции системы документальных коммуникаций, а как вторжение бездушно-цифрового монстра в привычный им книжный мир. Ответным действием на это вторжение является в большинстве случаев паралич воли, сопровождаемый невнятными надеждами-заявлениями о том, что, де, «на наш век книжек хватит».

К сожалению, на протяжении всей дискуссии не было указано, в каких действиях, а ещё лучше — конкретных процессах — должен выражаться гуманизм: как конкретно библиотеки должны им заниматься, в чём должны измеряться результаты такой работы, чем библиотечный гуманизм отличается от музейного, образовательного, театрального и прочих? Декларировать высокие устремления не сложно. Но они — ничто, если не показаны пути и методы реализации этой достойной задачи, над которой тысячами трудятся религии всех конфессий, сфера образования, большинство направлений современного искусства и сравнительно небольшое число СМИ. В нынешнем же виде «гуманистическая миссия» библиотек пока более походит, увы, на башню, сидючи на вершине

которой, известный гоголевский персонаж собирался пить чай и любоваться на Москву⁵.

Ощущать себя стихийными гуманистами нравится огромному числу библиотекарей, в которых Вы сознательно культивируете уверенность, что они хороши уже только тем, что трудятся в библиотеках. Безотносительно к тому, что услугами библиотек пользуются всё меньше и меньше. Гордые этим сознанием, библиотечные работники никоим образом не нацелены на серьёзный пересмотр своей работы — «чистку сараев»: разруха в их головах закономерно порождает разруху в их библиотеках. Прошу прощения за излишнее обилие литературных образов, но многие из нынешних библиотекарей напоминают помещицу Раневскую, вынужденную продавать за долги вишнёвый сад, в котором прошли её лучшие годы. Но, уж коли так дорог этот сад, надо было тратить на него силы, время, саму жизнь. Не думалось об этом, не было желания, умения или ещё чего — пойдёт сад под участки для дачников — лопахины найдутся.

Признаюсь — у меня нет готового плана спасения мира от гуманитарной катастрофы. Не знаю, как избавить всё человечество от потребительского взгляда на мир, примирить нации и религии, искоренить алчность, зависть, стяжательство и глупость. Но мне известно, как сделать немного лучше людей, которые окружают меня в повседневности. Для этого надо приобщать их к доброму и разумному, поддерживать в стремлении к высокому, помогать взбираться на новые ступени осмысления себя и мира, а иногда плечо подставить или руку подать. Всё это, в меру своих сил, могли и могут делать библиотеки. Как в аналоговом, так и в цифровом мире. Только сегодня для этого необходимо прилагать гораздо больше усилий: темп жизни неимоверно возрос, и хрестоматийному библиотечарю из мультфильма «Вовка в тридевятом царстве» уже более пристало объяснять неразумному герою, что Google с «Википедией» знают ответы не на все вопросы. И что ответ на главный вопрос: как стать и оставаться человеком? — могут помочь найти книги и фильмы, живопись и музыка, *неважно, печатные (аналоговые) или электронные*.

В заключение хочу призвать Вас к гуманизму *гей-стивенному*, имеющему конкретную цель и задачу. Употребите свой безусловный талант и высокий авторитет на то, чтобы с цифрами и фактами, неопровержимо и повсеместно доказать нынешней российской власти всех уровней, что духовно богатые и интеллектуально развитые граждане безусловно выгоднее для страны, нежели толпы климов чугункиных, которые абсолютно не в состоянии развивать экономику, культуру, науку и образование, обеспечивать оборону, поддерживать авторитет и даже целостность страны. Задачи сложнее и ответственнее сегодня трудно представить, и именно от её решения в значительной степени зависит, без преувеличения, будущее нашей страны.

А значит, и будущее её библиотек. ■

5. В юности меня самого так искренне увлекла эта идея Манилова, что я долго не признавал за ним роль «мёртвой души». Нравился он мне. Только с годами понял, что бесплодный и полностью оторванный от реальной жизни идеализм сродни порокам других героев поэмы.